





Будильник



Семирамида



Аполлон Мухомов



ЛИЗА



Троньра



Дядя Паша



Дядя Федя



Чайка



В. Пестряков



Розенкранц



Шарик



Человечек



тов. Дудыкин



Трифон



Дядя Вася

Радий Погудин

КНИЖКА ПРО ГРИШКУ



Художник Н. Беланов



УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

Погодин, Радий Петрович.

П43 Книжка про Гришку / Р. Погодин; худож. Н. Беланов. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 142, [2] с. : ил. — (Детское чтение).

ISBN 978-5-17-164268-6.

«Книжка про Гришку» — необычная повесть знаменитого детского писателя Радия Петровича Погодина. Вроде бы Гришка обычный мальчишка, а вокруг него всё необыкновенное. Воробей гордо зовёт себя Аполлоном и влюбляется в чайку, зловредный козёл Розенкранц становится на путь исправления, а пёс Дружок мечтает найти настоящего друга. И все вокруг говорят про какую-то гайку и станovou ось. Гришка недоумевает. При этом гайка в нём крутится, а ось становится. Отгадаете, что это такое?

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44



© Погодин Р. П., насл., 2024
© Беланов Н. В., ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024



В ЧЁМ ДУША

Гришка был довольно высокий для своего возраста, но очень тощий, как если бы написать его имя заглавными буквами в столбик:

Г
Р
И
Г
О
Р
И
Й

В детском саду, куда Гришка ходил развиваться, были ребята помладше, повзрослее, повыше, пониже, но второго такого тощего не было.

Всякий раз, когда намечалась комиссия, заведующая детским садом Лариса Валентиновна извинялась перед Гришкой и отправляла его к себе домой в однокомнатную квартиру, где

Гришка мог беседовать с трехцветной кошкой Семирамидой.

— Семирамида, — спрашивал Гришка, — неужели всё дело в толщине?

Семирамида зевала, тёрлась щекой о Гришкину ладонь.

«Глупый. Ты своим поразительно тощим видом снижаешь процент упитанности всех детей. Оставайся жить с нами. Лариса целый день на работе. Мыши на четырнадцатый этаж не заходят. Мне скучно. От скуки образуются морщины и близорукость».

Когда Гришка гулял самостоятельно возле своего дома, пожилые женщины-соседки, глядя на него, сокрушались:

— Какой худенький мальчик!

— В чём душа.

Гришка в таких случаях как бы катился с горки — и не за что уцепиться: горка сплошь ледяная. А когда скатывался, соседки представлялись ему замечательными птицами совами. Гришка подходил к ним и объяснял застенчиво:

— Души вовсе нет. А если у кого случается, то она никогда не бывает толстой.

— Какой славный! — говорили замечательные птицы совы, щёлкая золотыми клювами.

Прямодушные ровесники, завидев Гришку, кричали: «Кощей! Паганель! Дядя Стёпа!» — что, как вы сами понимаете, свидетельствует о большой начитанности наших ребят.

Один сосредоточенный мальчик в круглых очках назвал Гришку сушёным Геркулесом.

Гришка на такое не обижался потому, утверждали ровесники, что никакая обида, даже самая маленькая, в Гришкином тощем теле разместиться не может.

ЗЛЫЕ БОЛОТНЫЕ КОМАРЫ

Мама печалилась. В большом расстройстве наблюдая Гришкину худобу, мама кормила его усиленной пищей, гематогеном, витаминами и говорила:

— Мечтает! У всех дети едят, а у меня — мечтает. Серёжа, посмотри, какие у него глаза, как будто ему ничего не нужно.

Папа с мамой не соглашался.

— Были бы кости — мясо нарастёт, — говорил папа. — Главное — станова́я ось. Это меня тревожит... Пошлём его к дяде Феде.

— Согласна, — тихо соглашалась мама. Голос её тут же слабел. Она произносила: — Но...

...там он научится курить,

...у него появится дурной стиль в разговоре,

...ноги и руки обрастут цыпками,

...волосы выцветут,

...там комары! Серёжа, вспомни, сколько там комаров! — Мамины глаза золотились последней надеждой. — Злые болотные комары! Серёжа, Григорий у нас и без того малокровный.

— Ты согласна, что станова́я ось важнее? — спрашивал папа в упор.

— Согласна, конечно... — Мама понятия не имела, что это — станова́я ось. Мама желала, чтобы Гришка вырос счастливым, талантливым, честным, целеустремлённым, добрым, отважным, великодушным, деликатным и справедливым. Станова́я ось ассоциировалась у мамы с понятием грубой силы.

А её любимый сын Гришка жевал сосиску и думал о комарах: откуда у таких малых прозрачных существ берётся возможность так быстро летать и так больно жалить? Наверно, от гордости. А может, от силы воли...

ЗОВИТЕ МЕНЯ АПОЛЛОНОМ

Гришка уже с утра проживал у дяди Феди в красивой новгородской деревне Коржи.

Дядя Федя ему сразу понравился. Он был не толстый, не тощий. Рыжая борода с проседью летела впереди него обрывком уже отшумевшей бури.

Дядя Федя направо шёл — левое из внимания не упускал. Налево шёл — правое имел в виду. Когда шагал вперёд, глаза его смотрели во все стороны сразу, а иногда так косили и выпирали, словно им приспичило повидаться друг с другом.

Гришка отметил между папой и дядей Федей некое сходство, хоть дядя Федя и не прямой родственник, а папа — без бороды.

Папа уехал, сказав на прощание:

— Позабудь свои печали. Голову не задирай. По сторонам гляди. Под ноги вперяйся. В этой

местности всякого чуда много. — И легонько щёлкнул Гришку по затылку, такие у него были ласки.

Теперь, пообедав, дядя Федя и Гришка сидели на лавке возле окна, читали газеты. Гришка наткнулся на длинное слово — «пе-ре-ре-кон-струк-ци-я». И удивился.

— Красивое слово, — сказал он. — Только длинное очень и ничего для моих мыслей не значит. А вот, например, буква «щи» — одна, а уже можно кушать.

Мимо Гришкиного уха прозвенела оса. И смолкла. И кто-то сказал:

— К вашему сведению, в щях две буквы.

Гришка уловил в неизвестном голосе грустное превосходство слабого существа, глянул в окно и увидел — на ветке калины сидит воробей, осу в лапе держит, словно конфету в полосатом фантике.

— Привет, Мухолов, — сказал дядя Федя. — Читал новости? В Индии проливные ливни. В Тамбове заморозки. В Ленинграде переименовали ещё одну улицу. Ко мне внук приехал, Григорий.

Воробей проглотил осу, покрутил головой, словно у него давил воротник.

— Григорий, — сказал он, — зовите меня Аполлоном.

Гришка кивнул согласно. Дядя Федя газету смял.

— Аполлон! Это же безумно красивый бог. А ты? Где твоя красота? Где твои золотые перья? Ты ведь стреляный воробей?

— Неоднократно стрелянный.

— Ты стреляный. Я стреляный. — Дядя Федя разделся до трусов, как на медицинском осмотре, показал шрамы, украшавшие его тело. Круглые, продольные, серповидные. — Вот сколько ран! Ещё сколько ушибов, вывихов и ожогов. Но ведь я не говорю: называйте меня товарищ Гуляев, хотя мы с ним и похожи. Ты же, Мухолов, образованный, мог бы вести себя поскромнее.

— Товарищ Гуляев — лицо историческое, — ответил воробей со сдержанной вежливостью, но торопливо. — Аполлон — лицо мифологическое, покровитель всех, тяготеющих к славе. Такие выражения, как «безумная красота», не в вашем, простите, характере. И вообще — была бы душа хорошая.

— Не части, — сказал дядя Федя, — собьёшься... А ты, Гришка, ступай прогуляйся... Дыши глубже.

НЕ НУЖНО ТАК НАПРЯГАТЬСЯ

Дядя Федя категорически спрятал Гришкины сандалии в чулане — на плохую погоду.

Гришка босиком пошёл.

Дорога обволокла его ноги тёплой пылью. Пела вокруг него не вдруг различимая жизнь травы. И гулкое небо было приподнято над землёй высоко-высоко, словно и нет его — только привычка к голубому цвету над головой.

Гришка на речку пошёл.

На берегу, на пригорке, сидела незнакомая девочка Лиза в розовом платье. Показалось Гришке, будто она горюет. Гришка сел рядышком.

— Горюешь?

Девочка Лиза глаз от речки не отвела.

— Я, когда на речку смотрю, не люблю разговаривать, — сказала она. — А ты когда разговаривать не любишь?

— Я разговаривать не люблю, когда в небо смотрю. Там самолёты, — ответил Гришка таким голосом, от которого всякая грусть проходит.

Лизин нос приподнялся.

— Не в самолётах счастье...

Гришка вопрос себе задал: что такое счастье и было ли оно у него? Он перебрал в уме множество всяких прошедших радостей, восторгов, удовольствий и поделился с Лизой самыми, на его взгляд, замечательными. Девочка Лиза, которая ещё не знала, в чём счастье, но уже понимала, в чём счастья нет, воскликнула: «Какие пустяки!» — и задрала нос ещё выше. Гришка застеснялся и домой пошёл.

Девочка Лиза ничего не сказала о Гришкиной худобе. Это Гришка отметил.

На крыльце воробей вертелся, примеряя красивые позы.

— Аполлон, — спросил Гришка, — в чём ваше счастье?

Аполлон Мухолов ответил:

— В полёте!

И полетел. Быстро-быстро.

А когда вернулся и снова уселся на перила крыльца, повторил торжественно:

— Счастье в полёте.

— Может быть, — согласился Гришка. — Полёт — птичье дело.

— Увы, некоторые птицы тоже сути не понимают, просто перемещаются в воздухе в поисках корма. — Аполлон Мухолов вздохнул, перья на груди почистил, хвостом потряс и оглядел Гришку королевским взглядом. — Мне кажется, вы могли бы. У вас это есть.

— Что? — спросил Гришка.

— Желание славы. Нужно ярко представить себе, какой вы замечательный, необыкновенный ребёнок, потянуться и устремиться...

Гришка тут же полез на кривую берёзу, которая росла неподалёку от дяди Фединога дома и на которую было нетрудно залезть.

— С берёзы нельзя! Вы с неё упадёте без опыта. Только с земли!

Отыскав небольшой бугорок, Аполлон Мухолов позвал Гришку и скомандовал важно:

— Приготовились!

Гришка представил, какой он замечательный и ни с кем не сравнимый. Но поскольку замечательной была в нём только его худоба, по крайней мере, только об этом он знал, он ещё больше утончился и вытянулся. Если бы теперь написать его имя в столбик заглавными буквами, то следовало бы прибавить в конце три восклицательных знака:

Г
Р
И
Г
О
Р
И
Й
!
!
!

— Пошёл! — крикнул Аполлон Мухолов. — Больше гордости! Больше гордости! Тянитесь и устремляйтесь.

Гришка потянулся и устремился — и не заметил, что пальцы его босых ног перестали касаться земли.

Он летел низко. Шею сводило, глаза выпучились. Не вздохнуть.

— Свободнее! — поучал воробей. — Больше самоуверенности!

Гриша чуть не заплакал. От этого полёта, кроме неловкости и непосильного напряжения, он ничего не почувствовал, наверное, потому, что никогда не думал о счастье, просто жил как живётся.

Было стыдно. В висках стучало. В ушах звенело.

Сквозь эти болезненные ощущения услышал Гришка испуганный Аполлонов голос:

— Спасайтесь!

Стал Гришка на землю и оказался перед мальчишкой — очень крепким и очень надувшимся. В руках у мальчишки рогатка, в зубах — соломинка жёваная. Отдышавшись немного, Гришка сказал:

— Тяжело летать, неловко. И всё-таки удивительно.

— Кто летает, кто на голове ходит, кто как выпячивается. Ничего удивительного. — Мальчишка прищурил глаза, похожие на отточенное железо, перекусил соломинку жёваную и выплюнул. — Я своё ненужное удивление променял на серьёзное дело. Твоему дядя Феде. Я ему удивление — он мне удар без промаха. У каждого своё счастье.

— Бессовестная ложь! — закричал Аполлон Мухолов откуда-то со стороны. — Не бывает злодейского счастья. Злодейская удача бывает, а также злодейские хищные радости. Но злодейского счастья не может быть никогда. Григорий, обратите внимание, перед вами злодей, Пестряков Валерий.

Пестряков Валерий растянул рогатку от плеча до плеча.

— Глупый ты, Аполлошка. Удар без промаха в широком смысле. Я теперь отличником буду, чемпионом по боксу, гроссмейстером. А выучусь — командиром, как товарищ Гуляев. — Пестряков Валерий улыбнулся сильной улыбкой. — Не понимает взаимной выгоды Аполлошка. А ещё образованный. Я с этой осени в первый класс пойду. Он бы мне в форточку по учёбе подсказывал, я